

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Венгловский. ДЕТИ ЛУНЫ И ТУМАНА.....	5
Грэй Ф. Грин. ПЕСНЯ ДЛЯ НАСЛЕДНИКА.....	19
Майк Гелприн. МЕХАНИЗМ ПРОКЛЯТИЯ.....	40
Вячеслав Бакулин. АНДРОМЕДА ДЛЯ АНДРОМЕХА.....	63
Вера Камша. ВСЁ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ.....	82
Александр Золотько. ЛОВУШКА.....	114
Элеонора Раткевич. МИНИСТРУ ТРЕБУЕТСЯ ВОР.....	173
Владимир Аренев. КЛЮВЫ И ЩУПАЛЬЦА.....	198
Владимир Свержин. ШАГИ КОММОДОРА.....	222
Антон Тудаков. EX LUMEN.....	250
Сергей Раткевич. ПОХИЩЕНИЕ МЕЛОДИ БРИНКЕР.....	280
Ника Батхен. ДЕЛО О МЕХАНИЧЕСКОЙ ПТИЦЕ.....	310
Олег Кудрин. «СОЮЗ СПРАВЕДЛИВЫХ» И ДЕЛО ДЕЙЛА РУХТРЫ.....	331
Дарья Зарубина. К ЭЛИЗЕ.....	356
Эйлин О'Коннор. СИЛКИ НА КРУПНУЮ ПТИЦУ.....	414
Роман Злотников. СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ИЗБИЕНИЕ.....	449
Дмитрий Силлов. БРЕТЁР.....	460

Владимир Венгловский
ДЕТИ ЛУНЫ И ТУМАНА

«В день летнего солнцестояния почетные члены клуба Механиков сэра Джон Редмонд и сэра Эван Броуди совершат повторное испытание сконструированной ими машины пространства. Первое, как помнят наши читатели, в прошлом году завершилось катастрофой — взорвался паровой котел. Тела смелых механиков были восстановлены за счет клуба.

«Сочетание механики и алхимии творит чудеса, — заявляют изобретатели. — Сегодня мы сможем проложить путь в иные миры и расширим границы Британской империи! Слава королеве!»

«Таймс», Лондон, 1895 г.

* * *

Ночь превращает Город в загадку. Пронизанная туманом мгла расплзается по подворотням, вспыхивают газовые фонари, подмигивают огнями закрывающиеся окна. Улицы, столь оживленные днем, пустеют, отдавая власть в Городе шуршащим дубовым листьям. Листья сыплются безостановочно, будто их целыми охапками сбрасывают с зависшего над Городом дирижабля. Гонимые ветром, они разлетаются по каменным мостовым, цепляются за железные паутины ограды, укрывают коричневыми лоскутами паровые дилижан-

Грэй Ф. Грин

ПЕСНЯ ДЛЯ НАСЛЕДНИКА

(Фрагмент романа-мозаики «Кетополис: Пляска с китами»
в пересказе Ирины Серебровой)

Утро для Михельке, пока что единственного сына Михеля Третьего, начинается по сигналу хитроумных часов, собранных специально для наследника придворным механиком. Держава их морская, а потому часы изображают океанское дно, населенное разными тварями. Малышом Михельке мог долго стоять, наблюдая за движением сделанных в виде морских коньков стрелок: от затонувшего пиратского корабля до огромной раковины с жемчужиной. Каждые три часа, кроме ночи, наверху открывается крышечка, откуда появляется кит, выкидывает жестяной фонтан и трубит. Раньше это казалось веселым колдовством, нынче стало неизменным сигналом к рутинным делам.

В шесть утра — подъем. Если Михельке не встает сам, то его поднимает лейб-медик, доктор Вандермеер. Седой и ловкий, пахнущий лакрицей, он слушает дыхание, считает пульс, заглядывает в рот и уши, а дважды в неделю — измеряет рост. После чего уходит, унося, как приз, свеженаполненный ночной горшок. В прошлом году Михельке мог еще лечь обратно в постель и досмотреть самые сладкие утренние сны, но теперь — не то, ему уж исполнилось восемь лет и спрос с него, как со взрослого. Поэтому в спальню наследника входит чопорный гувернер, мистер Джонс, и следит, чтобы мальчик заправил постель и отправился принимать холодную ванну.

Уступишь желанию «еще пять минуточек поспать» — будет наказание: четверть часа на мелкой гальке, на коленях,

Майк Гелприн

МЕХАНИЗМ ПРОКЛЯТИЯ

Вестовой полковника нашел меня в три пополудни — в припортовой марсельской таверне, где мы с Бруно, Малышом Лекруа и Носатым Тибо заливали кальвадосом воспоминания. Человек полковника пришелся как нельзя кстати, потому что деньги у нас троих уже подходили к концу, а у Бруно их отродясь не водилось.

— Господин полковник... — начал было вестовой.

— Передай ему, — прервал Малыш Лекруа, — пускай поцелует нас в задницы. За тобой должок, Рене — за тот шмен-де-фер перед кимберлийской бойней. Гони двадцать франков и проваливай к черту.

Малыш был кругом прав. Во-первых, с окончанием бурской войны иностранный легион расформировали, так что полковнику мы больше не подчинялись. А во-вторых, Лекруа был не виноват, что ему зашла карта, как раз когда хаки решились на вылазку. Ночная атака застала нас врасплох, и рассчитаться проигравшие не успели. Двое из них остались должниками навечно — обоих наутро отпел полковой аббат.

— Господин полковник велел передать, — невозмутимо продолжил вестовой, небрежно бросив на стол монету в двадцать франков, — кое-что для лейтенанта д'Орво. Это, Баронет, тебе, — покончив с официальной частью, протянул он мне запечатанный сургучом пакет. — Утром доставили в полковую канцелярию. Налейте, что ли, черти.

Вячеслав Бакулин

АНДРОМЕДА ДЛЯ АНДРОМЕХА

Ире и Антону

*В безбрежности неба,
в бескрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы
и гибли лишь птицы донныне.*

«Песнь о Нестерове»
(журнал «Искры». № 35. Сентябрь 1914 г.)

— Э то просто возмутительно, сэ. Густые брови сэра Уильяма Фрэнсиса Кларенса Гастингса, 15-го графа Хантингдона и Пятого Морского лорда¹ Адмиралтейства, изумленно ползут вверх. Он даже подается вперед, привстав с кресла и упершись обеими руками в палисандровую столешницу. Для Его лордства, славящегося невозмутимостью и выдержкой в любой ситуации («Когда при Ватерлоо одному из генералов Веллингтона вражеское ядро оторвало ногу, и герцог воскликнул: «Мой бог, сэ, да у вас, кажется, нет ноги!», тот ответил: «Увы, сэ, боюсь, что вы правы!» И лишь потом этот истинный образец офицера и джентльмена позволил себе упасть с лошади и потерять сознание!»), — поведение неслыханное.

— Милорд, я сожалею, если что-либо сказанное или сделанное мною...

— Не извольте перебивать, сэ.

Разумеется, сэ Уильям не повышает голоса. Букингемский дворец или заваленное трупами поле боя, горечь поражения или триумф победы — тон его одинаково ровен. Толь-

¹ Начальник Королевской военно-морской авиаслужбы Великобритании.

Вера Камша

ВСЁ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ

Миле Деминой

*Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?*

Николай Гумилев

- Кому это принадлежит?*
- Тому, кто ушел.*
- Кому это будет принадлежать?*
- Тому, кто придет.*

Артур Конан Дойл.
«Обряд дома Месгрейвов»

1

—Увы, мой дорогой Гарри, — Сэр Герберт элегантно и горестно развел руками, — дать согласие на твой брак с Летти я не могу. Будем говорить прямо, ты — нищий, а моя девочка не может лишиться множества мелочей, которые делают жизнь приятной, и без которых ваш рай в шалаше обернется адом на съемной квартире.

— Летти выше этого! — «Дорогой Гарри», он же одиннадцатый барон Морноу, красивый молодой человек, будто сошедший с картины прерафаэлиты, с возрастающим недоумением уставился на собеседника.

— Молодая девица не может быть выше хороших перчаток, — отрезал сэр Герберт. — Вернее, может, но тогда она ужасна или несчастна. Вижу, ты хочешь объясниться, причем не со мной; Летти тебя, разумеется, выслушает. Надеюсь, ты примешь ее ответ, как джентльмен, а не как, гм, поэт. Если

Александр Золотько

ЛОВУШКА

*Сергею Пальцу с благодарностью
за помощь и советы*

—...**С**олнце уже поднялось в зенит, и тень нашего корабля скользила по волнующимся под ветром травам бесконечной степи, тянущейся от горизонта до горизонта...

— Это не степь, — сказал Джо Конвей.

— Что? — вскинула голову Алиса.

— Вы написали — «степь», а это не степь. Это буш. Или даже можно написать — вельд, но никак не степь. Чтобы было понятно даже вам, это все равно, если бы я назвал, например, пудру — зубным порошком. Степь — это в Сибири. Россия, Волга, татары... Правда, Энтони? — американец оглянулся на сидевшего в легком плетеном кресле русского. — Это ведь у вас там степь?

Антон Егоров улыбнулся и кивнул, не вдаваясь в подробности, которые Конвея не интересовали. Кроме того, вступать сейчас в разговор было опасно — Алиса Стенли, корреспондент «Ежевечернего обозревателя» из Глазго очень серьезно относилась к защите прав и свобод всех женщин мира в общем, и своей свободы в частности. Конвей, заглянувший через плечо в ее блокнот, слишком близко подошел к пределу дозволенного приличиями, и это не могло не привести к взрыву страстей.

За двое суток путешествия все члены экипажа «Борея», воздушного корабля второго ранга Флота Ее Величества, и его пассажиры уже поняли, что юная леди не просто готова

Элеонора Раткевич

МИНИСТРУ ТРЕБУЕТСЯ ВОР

Доктор Роджер Мортимер никогда не завтракал в анатомичке. Крошкам от сэндвичей нечего делать на прозекторском столе.

Завтракал доктор Роджер в своем кабинете. Если не забывал позаботиться о пропитании загодя. На сей раз он не то чтобы забыл, а не успел — вчерашний вечер в больнице Чаринг-Кросс выдался нелегкий, ночь оказалась и того тяжелее, а под утро пришлось делать срочное вскрытие. И лишь сейчас, направляясь в свой кабинет, Мортимер со вздохом вспомнил, что подкрепиться после ночного дежурства ему нечем.

Однако он ошибался. В кабинете его дожидался недурной завтрак: сэндвичи с холодным мясом, сконы и крепчайший кофе. К пище телесной прилагался утренний выпуск «Таймс» в качестве пищи духовной. Словом, все, как и полагается занятому по горло английскому доктору — за исключением разве что кофе. Но к нему Мортимер пристрастился еще во время крестовых походов и не видел никаких причин отказываться от своих привычек.

А еще доктора ожидал тот, кто и принес ему всю эту благодать.

В кресле для посетителей сидел частный сыщик Патрик Шенахан. Взгляд его из-под чуть отяжелевших от недосыпания век был тверд и ясен, одет Патрик был с обычной аккуратностью, и по его виду совершенно невозможно было ска-

Владимир Аренев

КЛЮВЫ И ЩУПАЛЬЦА

Здесь, в Тихом океане, вода, хотя бури и не приводят ее в волнение, все же никогда не остается спокойной, ибо она не перестает чувствовать возбуждение, которое царит на юге.

Чарльз Дарвин. Путевой дневник

Быть первым далеко не всегда почетно. Одно дело, если ты впервые производишь картографирование побережья Южной Америки, совсем другое, если твое судно — впервые же в истории мореплавания — сталкивается с останками испанского головоногого моллюска. Еще хуже — если это происходит в полный штиль, когда судно дрейфует в тумане, а на борту у тебя находится молодой и дотошный натуралист.

— Хорошо, пусть вытаскивают, — отмахнулся капитан Роберт Фицрой. — Но скажите ему, Уикем: при первых же признаках разложения я велю выбросить кракена за борт. Даже мое увлечение естественными науками имеет пределы.

Разумеется, сам он не сдержался и вышел посмотреть. В конце концов, уж если и существует нечто безграничное, так это любопытство.

То, что матросам удалось вытащить из воды, выглядело довольно странно. Бугристые бурдюки черного цвета, от одного до шести футов в диаметре, с явно выраженными глазами, причем значительно более крупными, чем у обычных осьминогов. А вот щупальца оказались без перепонки и скорее напоминали длинные, тонкие, чрезвычайно прочные кнуты; росли они изо рта двумя группами, по восемь в каждой.

Владимир Сержин
ШАГИ КОММОДОРА

Молоточек ударил по чеканному бронзовому гонгу, порождая глубокий продолжительный звук. Приоткрылось зарешеченное окошко в двери. Но тот, кто хотел разглядеть посетителя, потерпел фиаско. В то утро смог плотно закутал в грязное одеяло столицу Британии, со скромным достоинством именующей себя Великой, оставляя взгляду лишь бесформенный силуэт. Голос, просочившийся в прихожую с ключьями тумана, принадлежал даме:

— Простите, мистер Шерлок Холмс здесь живет?

Привратник, чересчур смуглый для промозглого лондонского климата, скривился, как от зубной боли. Но, взяв себя в руки, крикнул в переговорную трубу, которая обычно используется на кораблях для соединения капитанского мостика с машинным отделением:

— Мистер Стивен, к вам посетительница!

Со второго этажа сквозь жестяной раструб послышалось не без ворчливости:

— Ко мне, или опять к этому обманщику? — Красноречивое молчание было ему ответом. — Ладно, проси, — смялостивился тот, кого называли мистером Стивеном.

Человек завозился с задвижкой, приоткрыл дверь, впуская незнакомку, и небрежным жестом показал на лестницу, ведущую в жилые помещения. Молодая женщина лет, пожалуй, не более двадцати трех — двадцати пяти, с опаской оглянулась на неприветливого «дикаря» в пехотном мундире

Антон Тудаков
EX LUMEN

1

Фараоны тормознули Бобби Монтега аккурат, когда он пытался прошмыгнуть незамеченным по Дюрвард-стрит.

— Э, гражданин, ну-ка стоять! — выплюнутая решеткой звукоусилителя, дребезжащая фраза полицейского догнала Бобби как брошенная в пьяной драке бутылка.

Бобби повернулся. В любой другой день на Дюрвард-стрит сам черт ногу бы сломал — те газовые фонари, что здесь уцелели, горели едва ли вполсилы. Но, как назло, именно сегодня смог от труб оружейных заводов в Лаймхаусе рассеялся и свет полной луны залил пустынные улицы. В ее мертвецких лучах оба фараона выглядели порождениями ночных кошмаров — покрытая потеками бочкообразная броня, надраенные круглые шлемы со свинными рылами дыхательных масок и злобно поблескивающими глазными линзами, шлейфы черного дыма из заплечных труб. На поясах булькали баллоны с полицейской иероплазмой. Один фараон нетерпеливо постукивал каучуковой дубинкой со свинцовыми вставками по латной перчатке. Звук получался мерзковатый — как будто бухие соседи парой этажей ниже лупили по трубе парового отопления. Второй небрежно перебросил через локоть пистолет-пулемет «Стерлинг». Бобби невольно припомнил, что последним указом Совета Круглого стола на ночное патрулирование лондонским фараонам выдавали боевое оружие. И если скрыться в лабиринтах Уайтчепела от полицейских еще можно было попытаться —

Сергей Раткевич

ПОХИЩЕНИЕ МЕЛОДИ БРИНКЕР

Посвящается замечательной изобретательнице, опередившей свое время на полвека, благодаря которой в наши дни существует беспроводная связь и Wi-Fi, а также просто очаровательной, умной и талантливой женщине — киноактрисе Хеди Ламарр.

Суперинтендант полиции города Лоумпиана мистер Майкл Морган вздохнул и подумал, как редко ему удастся видеть перед собой улыбающиеся лица. Да, улыбаться в этот кабинет не приходят. В него приходят за помощью. Приходят тогда, когда все остальные способы уже испробованы, все средства исчерпаны.

Супружеская чета Бринкер — бледные, встревоженные. Да нет, не встревоженные, насмерть перепуганные, это куда точней.

Дональд Бринкер, отец семейства, старается держаться с достоинством, факты излагает четко, хорошо поставленным голосом — все же боевой офицер. Он не замечает, как дрожат его пальцы. Он и представить себе не мог, что с ним случится такое. Одно дело самому встречать врага, лицом к лицу, как и положено настоящему мужчине, офицеру, потомку знатного рода, совсем другое — когда у тебя похищают дочь. И ты ничего... ничего не можешь поделать. Похитители не собираются сражаться с тобой. Твоя боевая отвага, твоя ярость — их не на кого обратить. Ты прижимаешь к себе жену, забыв о приличиях, стараясь ее утешить, ты и не замечаешь, что на самом деле цепляешься за нее, как тонущий матрос за брошенный в воду корабельный канат.

Ника Батхен

ДЕЛО О МЕХАНИЧЕСКОЙ ПТИЦЕ

Человек рассказывает о птице. Птица это я.

А. Грин

Укакао особая сладость. Запах кофе с утра побуждает к резким движениям, неосмысленной суете. Чай коварен, мягким молотом он бьет в сердце, пробуждает застывшую мысль и далекие воспоминания. Цикорий грустен и груб, напиток бедняков и пожилых женщин. А какао наполняет сонный рот вкусом далеких сказок, согревает в морозный день и дает силы сопротивляться жаре, он никуда не торопится и ни о чем не жалеет.

Улыбнувшись ходу собственных мыслей, Элиас Хорн поставил на блюде пустую чашку. Окно столовой затянуло морозным узором, сквозь который пробивалось январское солнце. ...Залив Бай, как всегда в холода, окутан клубами пара, и птицы уже парят над водой, оглашая причалы скрежещущим криком. Единственная в стране колония розовых чаек была одной из достопримечательностей Покета, и Хорн перебрался сюда три года назад, чтобы вести наблюдения. Трижды в год аккуратно запечатанные отчеты на почтовом дирижабле отправлялись в столицу, две статьи напечатали в «Вестнике», но Элиас все еще не нагляделся, каждый сезон открывал новые тайны. Зимой чайки жадно бросаются на любую еду, летом отказываются от самых щедрых подачек. У подрастающих особей перья тусклые, лишь на пятый-шестой год самцы достигают закатной полноты цвета. В марте перед началом брачных игр стаи танцуют над пустынными

Олег Кудрин

«СОЮЗ СПРАВЕДЛИВЫХ» И ДЕЛО ДЕЙЛА РУХТРЫ

Дьявольски банальны все слова об упрямстве ирландцев, а тем более ирландок, но ведь это же правда. Истина! И вовсе не диалектическая, а самая что ни на есть абсолютная, вроде дважды два четыре. Мисс Лиззи Бёрнс так не терпится стать миссис Энгельс, что это то ли смешно, то ли глупо, а скорее всего — и то, и другое вместе.

Фридрих нервно дернул за рычаг кэб-сигнального кронштейна. Металлическая рейка, подгоняемая мощной пружиной, взметнулась вверх — на многометровую высоту. Аккуратные заклепки блеснули на солнце, не столь частом в Лондоне. Что ж, тем приятней. Рейку венчал красный флажок. А это Энгельсу было приятно еще больше. (Он стеснялся признаться себе в том, что на самом деле вызывал самодвижущийся кеб, чтобы лишний раз увидеть, как поднимается вверх красный флаг, пусть и маленький.)

Теперь кебмен-кочегарам издали было видно, что есть клиент, ждущий их услуг. Почти сразу раздался мелодичный сигнал механического звукового рожка (кажется, «Аллилуйя» Гайдна). Это отозвался первый кебмен, заметивший флаг. Остальные после того знали, что клиент уже не их.

Пружинная лестница кеба мягко опустилась к ногам Фридриха. Легко взбежав по ней (будто назло Лиззи, вечно напоминавшей о его возрасте), он кинул кебмен-кочегару:

— Мелкомб-стрит, десять.

— Это что?.. Там, где Музей Мадам Тюссо за углом?

Дарья Зарубина

К ЭЛИЗЕ

*Голубые океаны,
Реки, полные твоей любви,
Я запомню навеки,
Ты обожала цветы.*

В. Бутусов «К Элоизе»

Букет фиалок в высоком стакане. Короткие стебельки едва достают до воды. Но герр Миллер не видит, как они тянутся к жизни. Он просто приносит свежие цветы, плеснув в стакан из кувшина для умывания — почти не глядя. Ставит на комод рядом с маленькой желтой фотографической карточкой. Снимок переломлен с угла, и оттого белое пышное перо страуса на шляпке дамы выглядит обвисшим. Но она не знает, что выглядит смешно — томно смотрит вполоборота на фотографа, чуть опустив пушистые ресницы. Линии ее носа, щек и бровей так изящны и тонки, посадка головы так горделива, что трудно поверить — она была когда-то живой женщиной: танцевала, готовила, любила фиалки. Разве могло живое чувство не оставить следа на этой гладкой и прозрачной как фарфор коже? Складочка улыбки, морщинка раздумья, тень печали — даже на фиалках, купленных пару часов назад в Ковент-Гарден, жизнь оставила больше шрамов и следов, чем на челе фрау Миллер.

Цветы подержатся день или два, а потом никнут, касаясь лепестками краешка шляпки и страусиного пера. Прощальный поцелуй длится недолго. Герр Миллер выбрасывает увядший букет, выплескивает за окно воду из стакана, наливает новую и, почти не глядя, ставит на свой алтарь свежие цветы.

Его жена всегда любила фиалки.

Эйлин О'Коннор

СИЛКИ НА КРУПНУЮ ПТИЦУ

—Боюсь, у меня плохие новости, сэр!
Лестрейд поднял взгляд на румяного юношу, застывшего навтыжку перед его столом. Молодой констебль Атчесон сильно волновался, это бросалось в глаза. Лестрейд усилием воли подавил в себе острое желание отправить молокососа прочь вместе с его дурными вестями и забаррикадироваться от них в собственном промозглом кабинете.

Если бы это помогло!

— Выкладывайте, — мрачно потребовал он.

— В окрестностях Чепстоу найден корабль. На него наткнулись по чистой случайности. Он глубоко ушел в болото.

— Чей? — Лестрейд, одолеваемый самыми недобрыми чувствами, наклонился вперед.

— Дор-орсейский.

Инспектор втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Сколько членов экипажа? — быстро спросил он.

— Один.

— Найден?

— Никак нет, сэр.

Лестрейд откинулся в кресле. Один член экипажа... Что ж, не так плохо, как могло бы быть, хотя и не так хорошо, как хотелось бы. Разумеется, не найден! Покойный дор-орсеец — слишком роскошный подарок.

Роман Злотников

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ИЗБИЕНИЕ

«Тун-дзун!» — гулко разнесся по машинному отделению сигнал колокола вызова с мостика, напрочь перекрыв и грохот поршней, и тяг раскочегаренной паровой машины, и гул пламени топков. Герхард Кнаппе, худой долговязый немец, паровозный механик, исполняющий на «Аляске» обязанности механика судового, недовольно сморщился и, подойдя к переговорной трубе, вытер платком мокрое от пота лицо, после чего вынул из трубы затычку и надсадно проорал:

— Машинное слушает!

— Здесь капитан, — раздался из переговорной трубы звонкий голос лейтенанта Поспелова. — Добавить еще можете? Не успеваем до рассвета на позицию выйти.

Кнаппе скривился, потом покосился на Нечипорука, старшего команды кочегаров, от работы которых как раз и зависело исполнение этой просьбы-приказа капитана, дождался его короткого кивка, после чего коротко бросил в трубу:

— Яволь!

— Принято, — все так же звонко отозвался капитан. Кнаппе аккуратно всунул на место заглушку и повернулся к машинной команде, собираясь отдать необходимые распоряжения, но ничего этого не потребовалось. Нечипорук уже схватил свою, изготовленную по его личной мерке, лопату, в черпало которой входило как бы не в два раза больше угля, чем у обычной, и махнул рукой второй смене кочегаров, до

Дмитрий Силлов

БРЕТЁР¹

Ну и долго вы намерены топтаться перед дверью, Ватсон?

Доктор Ватсон несколько нерешительно потянул за дверную ручку и перешагнул порог.

— Вы как всегда удивляете своей пронизательностью, дорогой друг, — произнес он, от смущения забыв про приветствие. — Но как вы узнали, что это именно я?

В полумраке знакомой комнаты плавали сизые клубы дыма, при неверном мерцании свечного огарка казавшиеся живыми. За окном потихоньку вступал в свои права хмурый лондонский вечер, и при весьма неважном освещении было непросто рассмотреть в темном углу старое, глубокое кресло эпохи Регентства, в котором сидел человек, облаченный в домашний халат, и с неизменной трубкой в руке.

— Элементарно, Ватсон, — произнес человек скрипучим голосом. — Просто у меня за эти годы не притупился слух, вот и все. Миссис Хадсон без пререканий и получасового разглядывания в дверной глазок отперла входную дверь, стало быть, знала того, кому открывала. Потом она ахнула, как если бы увидела привидение, а после я услышал нерешитель-

¹ Бретёр (от фр. *brette* — шпага) — любитель драться на дуэлях, достигший мастерства в этом деле. В XVII—XIX вв. бретёры сами являлись зачинщиками ссор, специально провоцируя оппонентов на смертельный бой.